

ТРАДИЦИИ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА В ПЕРЕВОДЕ КАВКАЗСКОЙ ПОВЕСТИ «АММАЛАТ-БЕК» А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Одним из преподавателей Царскосельского императорского лицея в 1840-х гг. был профессор Кембриджа, специалист по английской литературе Томас Б. Шоу. Живя в России, Шоу внимательно изучает современную русскую литературу и предпринимает попытки перевода отдельных произведений русской словесности на английский язык. Заинтересовавшись романтической историей, описанной в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек», Шоу переводит ее на английский язык и публикует в Эдинбургском журнале «Blackwood's» (Thomas B. Shaw, «Ammalat-Bek», 1843). В данной статье перевод Томаса Б. Шоу «Ammalat-Bek» впервые исследован и введен в научный оборот.

Ориентальные повести и очерки писателя-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского сыграли огромную роль в утверждении темы Кавказа в России. Время пребывания Бестужева на Кавказе стало периодом его блестящей славы как писателя. Из тридцати произведений, написанных им после 1825 г., почти половина посвящена Кавказу, в том числе и его лучшая повесть «Аммалат-бек» (1831). Об ее особом значении для русской и европейской литературы свидетельствует тот факт, что повесть была переведена на французский, английский, датский, немецкий, греческий и польские языки. Пик активности переводов приходится на первую треть – середину XIX в.

Несмотря на это достаточно пристальное внимание, уделенное повестям А.А. Бестужева-Марлинского, до настоящего времени вопрос о переводах его кавказских повестей на европейские языки остается совершенно неизученным. Существуют только отдельные упоминания об этих переводах в некоторых работах зарубежных исследователей, таких как Л. Бэгби [1. С. 110] и Дж. Л. Лейтон [2. С. 284].

Один из переводов повести «Аммалат-бек» на английский язык хранится в электронных архивах библиотеки Кембриджского университета (Великобритания), в подшивке Эдинбургского журнала «Blackwood's» [3. Vol. LIII]. Перевод выполнен в 1843 г. профессором Кембриджа Томасом Б. Шоу, служащим с 1842 г. преподавателем в Царскосельском императорском лицее Санкт-Петербурга.

В России Томас Б. Шоу (известный в Царскосельском лицее под именем Фомы Ивановича) занимался в том числе переводческой деятельностью. Он переводил на английский язык как поэзию (М.Ю. Лермонтов [4. Вып. 54. С. 799–800], И.И. Козлов, И.И. Мятлев [5. Вып. 55. С. 80]), так и прозу (А.С. Пушкин [6. Вып. 22. С. 354–359; Вып. 23. С. 337–339], И.И. Лажечников [7. С. I–XVIII], Н.В. Гоголь [8. Вып. 62. С. 457–484]).

Особое значение имела его статья «Pushkin, the Russian poet», напечатанная в журнале «Blackwood's Edinburgh Magazine» за 1845 г. [9. Вып. 57. С. 657–678; Вып. 58. С. 28–43, 140–156], в которую вошли 22 стихотворения Пушкина в переводе Шоу. Эти переводы произвели большое впечатление на П.А. Плетнева, который охарактеризовал Шоу как человека с необыкновенными способностями «для переводов в прозе и стихах» [10. С. 559].

Перевод повести «Аммалат-бек» предваряется специальным предисловием Томаса Б. Шоу. Это весьма объемное предисловие представляет собой достаточно подробно изложенную профессором историю становления русской литературы. Следует отметить, что поз-

же Шоу использует этот опыт для создания истории другой литературы – английской. Он будет одним из первых, кто напишет и издаст в России в 1845–1847 гг. специальную работу по истории английской литературы, получившую значительное признание и известность – «Outlines of English Literature» («Основы английской литературы») [11].

В предисловии к повести Бестужева-Марлинского Томас Б. Шоу поставил перед собой цель привлечь внимание британских читателей к истории русской литературы, «most unaccountably neglected» («необъяснимо проигнорированной английской публикой»; перевод здесь и далее мой. – Н.М.) [3. С. 287]. Поскольку английский язык, английская культура и литература в России быстро распространялись, и русские читатели не только зачитывались шедеврами английской литературы, но также приступили к их специальному изучению, то взаимный обмен лучшими произведениями российской и английской словесности признавался профессором просто необходимым для плодотворного культурного развития обеих стран. Томас Б. Шоу был убежден, что пробудит невероятный интерес у своих соотечественников, познакомив их с русской культурой и российскими нравами. Хотя профессор скромно оговаривает, что приведенный им очерк представляет собой «a brief sketch of the history of the Russian literature» («короткий набросок русской литературы») [3. С. 283], в действительности он продемонстрировал глубокие знания в области истории русской литературы. Начиная с исторических сведений об установлении русско-английских связей, относящихся к 1554 г., времени правления Эдварда V, профессор перечисляет основных представителей русской литературы. Упомянутая Ломоносова как основателя русской литературы, а также Сумарокова, Хераскова, Нарежного, Эмина, Загоскина, Булгарина, Лажечникова, Вельтмана, братьев Полевых, Гоголя, А.А. Перовского и Д.Н. Бегичева, он подробно перечисляет все основные их произведения, указывая заслуги каждого.

Среди названных им русских писателей Шоу особо выделяет Бестужева, писавшего «under the name of Marlinski» («под именем Марлинский»), который создал «a very large number of tales, which have acquired a high and deserved reputation» («большое количество повестей, получивших высокую и достойную славу») [3. С. 286].

В предисловии профессор перечисляет несколько причин, побудивших его к выбору романа в качестве «the first-fruit of his attempt to naturalize in England the literature of Russia» («первой попытки привить в Англии русскую литературу») [3. С. 287]:

«It is considered as a very good specimen of the author's style; the facts and characters are all strictly true; besides this, the author passed many years in the Caucasus, and made full use of the opportunities he thus enjoyed of becoming familiar with the language, manners, and scenery of a region on which the attention of the English public has long been turned with peculiar interest. The picturesqueness as well as the fidelity of his description will, it is hoped, secure for the tale a favourable reception with a public always "novitatis avida" and whose appetite, now somewhat pallied with the "Bismillahs" and "Mashallahs" of the ordinary oriental novels, may find some piquancy in a new variety of Mahomedan life – that of the Caucasian Tartars» [3. С. 287].

Подстрочник:

Он считается хорошим образцом стиля автора, а его факты и персонажи реальны. Кроме того, автор провел много лет на Кавказе, и, воспользовавшись возможностью, он, таким образом, получил удовольствие от более близкого знакомства с языком, обычаями и пейзажем местности, на которые давно было обращено особое внимание английской публики. Надеемся, что живописность, так же как и достоверность описания, обеспечат благоприятный прием у публики, жаждущей всего нового, чей аппетит иногда пресыщают «Bismillahs» и «Mashallahs» обычной восточной повести, и представят некую пикантность в новой разновидности магометанской жизни – жизни кавказских татар.

Таким образом, из целого ряда ярких представителей русской литературы профессор Шоу выделяет Бестужева с его кавказской повестью «Аммалат-бек» – произведением, отличающимся от других восточных повестей того времени, известных английской читающей публике, своим своеобразным кавказским материалом. Англичанин Шоу прекрасно ориентировался в основных литературных течениях своей эпохи и знал о предпочтениях публики. Глубоко оценив представленный в «Аммалат-беке» Бестужева кавказский материал, Шоу понял, что эта повесть открывает другой мир восточной жизни кавказских татар, до того момента совершенно неизвестный Англии.

Перевод этой повести на английский язык является первой попыткой представить британской публике русскую художественную прозу писателя-декабриста, переведенную непосредственно с первоисточника.

Одной из самых ярких особенностей английского романтизма первой трети XIX в. традиционно считается архаизация, стилизация английского прошлого. Архаизация и стилизация прошлого характерны прежде всего для таких ярких представителей английского романтизма, как Вальтер Скотт и Кольридж. Вальтер Скотт и теоретически разработал принципы архаизации романтического английского стиля, и подкрепил их своей творческой практикой исторического романа о прошлом Англии. Если в первом периоде своего творчества Скотт использует архаизмы для целей исторического колорита, то в дальнейшем он обращается также к диалектизмам, к разговорной народной речи, замечая при этом относительно архаизации, что этот стиль, по-видимому, ему «рок судил ввести в литературу» [12. Вып. 1. С. 273].

Интересно в связи с этим, что А.А. Бестужев-Марлинский однажды сказал: «Горцы ожидают своего Вальтер-Скотта» [13. С. 234].

Шоу, удивительно точно уловив эти художественные настроения эпохи, при переводе кавказской повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» актуализирует и использует именно данную традицию английского романтизма: архаизированный стиль и элементы разговорной речи, активно используемые Вальтером Скоттом, становятся основными приемами переводчика при переводе русской романтической повести о кавказских горах на английский язык.

Прежде всего, Шоу строит отрицательную фразу без вспомогательного глагола *do*, что является устаревшей грамматической конструкцией. Как известно, вспомогательный глагол *do* перестал употребляться в утвердительных предложениях приблизительно с конца XVII в., за исключением стилистического приема усиления. Напротив, в отрицательных оборотах *do* окончательно упрочивается в устной речи приблизительно с начала XVIII в., тогда как в литературной прозе еще долго эти грамматические формы находятся в состоянии колебания. В поэтической речи XVIII столетия отрицательных конструкций с *do* старались избегать. Эти конструкции воспринимались как преимущественная особенность устной речи и отчасти литературной прозы. Таким образом, отрицание без вспомогательного глагола *do* воспринималось в английском романтизме первой трети XIX в. как форма, утвердившаяся в традициях поэтической речи и обладающая стилистическими свойствами возвышенности, архаичности и усиления.

Приведем примеры: «What means "betrayed" Ammalat? I understand it not» («Что значит "изменила", Амалат? Я не понимаю») [3. С. 470]; «I care not whether I come in peace or no», answered the Captain» («Мне все равно, пришел я в мир или нет», – ответил ему капитан») [3. С. 295].

Лексические архаизмы в переводе «Аммалат-бека» – самого распространенного типа: это второе лицо единственного числа глаголов и личное местоимение *thou*, в косвенном падеже *thee*, а также устаревшее *ye* вместо *you*.

1) «Thou must be a raw recruit if thou knowest not Sultan Khan of Avar» («Ты, должно быть, неопытный новобранец, если не знаешь Султан Ахмет хана Аварии») [3. С. 292].

2) «That depends on thee», replied the Sultan» («Это зависит от тебя», – ответил хан») [3. С. 294].

3) «What hast thou done, Khan!» – cried Ammalat, angrily» («Что ты наделал, хан!» – вскрикнул Амалат гневно») [3. С. 294].

4) «Mayest thou be victorious», said Sultan Akhmet Khan to Ammalat Bek» («Будь победителем», – сказал султан Ахмет хан Амалат беку») [3. С. 294].

5) «Dost thou hear that?» («Ты это слышишь?») [3. С. 294].

6) «And ye, have ye not guns? Have ye not daggers? It is not the Russians that are brave, but ye that are cowards! Shame of Mussulmans!» («А вы, у вас нет ружей? Нет кинжалов? Это не русские храбры, а вы трусливы! Стыд мусульманам!») [3. С. 298].

Наряду с архаизмами, Шоу также при переводе реплик персонажей использует лексику повседневной устной речи.

Thyself вместо *yourself*:

«What? Why have I hidden another in the grave, whisperest thou? Learn thyself what it is to die!...» («Что? Почему я спрятал другого в могиле, шепчешь ты? Узнай сам, что значит умереть!...») [3. С. 761].

Формы *'twould*, *'tis*, *'twas* вместо *it would*, *it is*, *it was*:

1) «To accept the beggar's repast, perhaps to hear reproaches for the death of fathers and sons, carried away by me in this rash expedition – 'twould be to lose their confidence for ever» («Чтобы принять трапезу нищего, возможно, чтобы услышать упреки за смерть отцов и сыновей, увлеченные мной в этот внезапный поход – означало бы потерять их доверие навсегда») [3. С. 298].

2) «'Tis the Russians!» – cried Ammalat, drowing his sabre» («Это русские!» – закричал Аммалат, вытаскивая саблю») [3. С. 300].

3) «Kounak! (my friend) – shoe my horse – the shoes are ready – 'tis but the clink of a hammer, and 'tis done in a moment!» («Кунак! (мой друг) – подкуй мою лошадь – подковы готовы – только звон молотка, и будет сделано в миг!») [3. С. 291].

4) «In very deed, 'twas absurd to fire on a Russian», said the Khan, contemptuously stretching himself on the cushions of the divan, «when they might have cut his throat» («Действительно, было абсурдным стрелять по русскому, – сказал хан, небрежно растягиваясь на по-

душках дивана, – когда они могли перерезать им горло») [3. С. 295].

Methinks и *brethren*, несущие значения *methought*, *brothers*:

«To sheath it no more, Khan? An unenviable destiny. Methinks it is better to reign in Bouinaki, than for an empty title to be obliged to hide in the mountains like a jackal» («Чтобы не вкладывать больше в ножны, хан? Незавидная судьба. Мне кажется, лучше править в Буйнаках, чем за пустой титул быть обязанным прятаться в горах, как шакал») [3. С. 294].

«Brethren, my head is before you: judge me as Allah inclines yours hearts» («Братья, моя голова перед вами: судите меня, как Аллах склоняет ваше сердце») [3. С. 468].

В целом при переводе русской романтической повести профессор Шоу использует такие важные художественные принципы английского романтизма, как архаизация, выступавшая в литературном языке Англии начала XIX столетия как знак «возвышенного», «поэтического» стиля, а также актуальный для английского романтизма прием активного использования элементов разговорной речи.

Таким образом, благодаря профессору Томасу Б. Шоу, повесть А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» впервые была переведена на английский язык и вошла в контекст английского романтизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бэбби Льюис*. Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001.
2. *Leighton L.* Bestuzev-Marlinsky. Boston, 1975.
3. *Shaw T.B.* Ammalat Bek // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1843.
4. *Shaw T.B.* The gifts of Terek / Transl. from the Russian of Lermontoff // *Blackwood's Edinburgh magazine*. 1843.
5. *Blackwood's Edinburgh magazine*. 1844.
6. *Shaw T.B.* The Coffin-maker / Transl. from the Russian of Pushkin. 1847; Kirdjali, the Bulgarian bandit: a tale. From the Russian of Pushkin. 1848.
7. *Shaw T.B.* The Heretic and the Maid of Moscow. A romance of Russia. 3 Vol. 1. London; Edinburgh; Blackwood, 1844 (переиздания: N.Y., 1844; L., 1849).
8. *Shaw T.B.* The Portrait: a tale abridged from Russian of Gogol // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1847.
9. *Shaw T.B.* Pushkin, the Russian poet // *Blackwood's Edinburgh Magazine*. 1845.
10. Плетнев П. А. Соч. и переписка: В 3 т. СПб, 1885. Т. 3. С. 559.
11. *Shaw T.B.* Outlines of English Literature with A Sketch of American Literature, by Henry T. Tuckerman. N.Y., 1866.
12. *The Journal of Sir W. Skott*. Edinburgh, 1890.
13. *Бестужев-Марлинский А.А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 января 2008 г.